

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.5281/zenodo.19907861

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОМ СТАТУСЕ СОСТАВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ С КОМПОНЕНТОМ «ДИПЛОМАТИЯ»

© 2026 А.Н. Хасаншин

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
ORCID 0009-0003-3979-1102

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В русле активизации исследований политического дискурса, анализ номинаций с компонентом «дипломатия», структурирующих и концептуализирующих эту сферу деятельности, в настоящее время приобретает большую актуальность. Целью исследования, представленного в статье, является определение лингвистического статуса этих единиц и их описание как системы с ядром устоявшихся терминов и периферией единичных сочетаний. В основу исследования положен интегративный подход, сочетающий теоретическую концепцию Т.П. Чепковой и практическую методику Т.В. Вяничевой и позволяющий установить степень терминологизированности подобных номинаций в географическом, функциональном, качественном и историческом аспектах. Полученные результаты послужат основой для дальнейшего изучения языковых характеристик современного дипломатического дискурса и сопоставления политической и дипломатической терминологии в разных языках и культурах.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, политический дискурс, составные термины, составные наименования, свободные сочетания, лингвистический статус, метафоры.

Для цитирования: Хасаншин А.Н. К вопросу о языковом статусе составных наименований с компонентом «дипломатия» / А.Н. Хасаншин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2026. – № 2. – С. 206-216. – <https://doi.org/10.5281/zenodo.19907861>.

Введение. Современный общественно-политический дискурс характеризуется активным использованием различных номинаций для описания дипломатических процессов и явлений. Особое место в этом ряду занимают номинации с компонентом *дипломатия*, образующие разветвлённую систему языковых единиц. Несмотря на распространённость подобных слов и сочетаний в медийной и профессиональной коммуникации, их лингвистический статус до настоящего времени остаётся неопределённым, что определяет **актуальность** нашего исследования. **Объектом** нашего исследования выступают составные термины, свободные сочетания и сложные слова с компонентом *дипломатия*, **цель** – определить лингвистический статус указанных номинаций.

Материал исследования представляет собой более 1300 номинаций с компонентом *дипломатия*. Общий объём анализируемого материала составил более 10000 контекстов, извлечённых из текстов, размещённых в Национальном корпусе русского языка. В данной работе предлагается многоаспектный анализ указанных сочетаний на основе интегративного подхода, сочетающего концепцию составных наименований Т.П. Чепковой и методику верификации синлексов Т.В. Вяничевой.

Основная часть. Несмотря на многовековую историю, **составные наименования** остаются недостаточно изученными как самостоятельный лингвистический объект в

силу многоаспектности номинации, разнообразия языковых единиц и отсутствия единой теоретической позиции по их статусу в лингвистике [9, с. 83]. Т.П. Чепкова формулирует развернутое определение понятия: «Составное наименование – это воспроизводимая в речи, грамматически раздельнооформленная, устойчивая по составу и порядку следования компонентов, обладающая семантической цельностью номинативная единица, способная к структурным преобразованиям» [10, с. 167–168]. Для чёткого отграничения СН от слов, фразеологизмов и свободных сочетаний предлагается система из трех групп параметров [10, с. 163].

1. **Структурно-грамматические признаки:** раздельнооформленность СН противопоставляется цельнооформленности слова.
2. **Семантические признаки:** семантическая цельность и мотивированность значения компонентов (в отличие от идиоматичности фразеологизмов).
3. **Функциональные признаки:** воспроизводимость, устойчивость состава и номинативная функция.

Прежде всего рассмотрим **структурно-грамматические свойства** анализируемых единиц. Большинство изучаемых нами единиц образовано по модели **прилагательное + существительное ДИПЛОМАТИЯ** – то есть представляет собой раздельнооформленную субстантивную синтагму с опорным компонентом *дипломатия* и согласованным определением (*международная дипломатия, евразийская дипломатия, экономическая дипломатия, мягкая дипломатия, горчаковская дипломатия* и проч.). Следует отметить, что прилагательные в этой модели бывают самой разной природы: относительные (*международная, региональная, парламентская*), качественные (*мягкая, жёсткая, тонкая, лобовая*), отонимические (*горчаковская, горбачёвская*), оттопонимические (*балканская, каспийская*), метафорические (*ковбойская, мегафонная, опереточная, фриковая*) и проч. Кроме того, активна модель **существительное ДИПЛОМАТИЯ + существительное в родительном падеже** (*дипломатия динозавров*). Второе существительное может иметь при себе определение (*дипломатия боевых волков*).

Внутри исследуемого набора наблюдается и формальная конкуренция с многословными сочетаниями (*дипломатия балансирования на грани*) и со сложными словами (*гастродипломатия, твиттер-дипломатия, е-дипломатия*). Действительно, по формальному критерию Т.П. Чепковой (грамматическая цельнооформленность / раздельнооформленность) последние – уже композиты, а не СН; однако они представляют ту же ономаσιологическую модель и часто сосуществуют с эквивалентами (*гастрономическая дипломатия, дипломатия в Twitter'е, цифровая/электронная дипломатия*).

Что касается **грамматической оформленности**, порядок компонентов фиксирован, согласование прилагательного с существительным по роду, числу и падежу регулярно, внутренняя позиция синтагмы непроницаема для вставок без потери номинативной целостности (*мягкая, но принципиальная дипломатия* – уже не одно СН, а свободная комбинация с вставным определением). Тем самым налицо грамматическая раздельнооформленность при структурной и семантической цельности – конститутивный признак составного наименования у Т.П. Чепковой. Таким образом, корпус сочетаний демонстрирует: (а) устойчивость порядка компонентов; (б) морфологическую согласованность; (в) ограниченную вариативность без перестановки ядра.

Рассматривая **семантические свойства** исследуемых единиц, важно указать, что им присуща семантическая цельность. Они обозначают единое, целостное понятие – конкретный вид, стиль или метод дипломатической деятельности. Важно подчеркнуть, что значение не сводится к простой сумме значений компонентов: например, *ковбойская*

дипломатия – это не дипломатия ковбоев, а специфический агрессивный и непредсказуемый стиль дипломатии (как, например, у президента Д. Трампа).

В анализируемом материале отчётливо проявляются регулярные ономазиологические подтипы:

- 1) характеристика дипломатии по сфере (*экономическая, энергетическая, газовая, кредитная; культурная; спортивная; экологическая/зелёная*);
- 2) по каналу/инструменту (*цифровая дипломатия, e-дипломатия, твиттер-дипломатия; джазовая, пандовая, гастрономическая дипломатия*);
- 3) по субъекту/институции (*парламентская, межпарламентская, общественная, гражданская; российская, американская, китайская*);
- 4) по пространственной локализации (*глобальная/мировая/международная; региональные: евразийская, азиатская, африканская, балканская, каспийская; национальные; специфические: островная, муниципальная, постсоветская*);
- 5) по тактике/качеству/стилю (*мягкая – жёсткая; тонкая/филигранная – лобовая/напористая; позиционная; мегафонная; ковбойская; фриковая*);
- 6) по ситуативному режиму (*кризисная, пожарная, спасательная*);
- 7) по хронотопу/традиции/антропониму (*классическая, традиционная; советская, блоковая; горчаковская, горбачёвская; казимировская, миссионерская; челночная*).

Наконец, для номинаций с компонентом *дипломатия* характерна **мотивированность**. Внутренняя форма, как правило, прозрачна и понятна носителю языка (*дипломатия землетрясений* – дипломатия, которая осуществляется во время и/или после землетрясений), что отличает эти единицы от идиоматичных фразеологизмов.

Рассматривая **функциональные свойства**, следует отметить, что указанные единицы воспроизводимы как готовые языковые факты, а не свободные сочетания. Часто они функционируют параллельно с краткими вариантами (*твиттер-дипломатия* как вариант сочетания *дипломатия в Twitter*). Преобладает номинативная функция (классификация практик), коннотация может варьироваться (минимальна у *международная дипломатия*, заметна у *фриковая дипломатия*), но остаётся вторичной.

Особую ценность для анализа сочетаний с компонентом *дипломатия* представляет предложенная Т.П. Чепковой типология СН, в основе которой лежит **соотношение номинации (Н) и коннотации (К)** [11, с. 69–71]. Выделяются две основные группы: **сочетания с прямыми (первичными) значениями** и **сочетания с производными (вторичными) значениями**. К первой группе относятся термины, в которых компонент *дипломатия* сохраняет своё базовое номинативное значение. В частности, сюда включаются **сочетания с нейтральным номинативным значением (1Н)**, где зависимый компонент указывает на конкретный субъект (например, *российская, китайская, американская дипломатия*), сферу деятельности (*экономическая, энергетическая, культурная*), метод или инструмент (*парламентская, цифровая, публичная*) либо географический аспект (*островная, ближневосточная*): «Как будто и не было у России политических консультаций с самым широким спектром оппозиционных сил, связанных с различными отрядами вооруженной оппозиции. Надо отдать должное российской **ближневосточной дипломатии**. Она своевременно реагировала на сигналы непонимания и информационной войны, исходящие извне, стараясь вносить те или иные корректировки в политическое обеспечение военных усилий» [15]. Такие термины являются наиболее распространёнными.

Следующий подтип в данной группе – это **сочетания с прямым номинативно-коннотативным значением (1НК)**, которые дополняют номинацию оценочной или

стилистической окраской. В этом случае термин приобретает явную или скрытую эмоциональную или критическую нагрузку, что проявляется, например, в таких единицах, как *мегафонная дипломатия* (характеризуется безосновательным подходом), *фейковая дипломатия* (основана на ложных заявлениях), *лобовая дипломатия* (агрессивная, прямолинейная) или *опереточная дипломатия* (театральная): «Если задача заключается в том, чтобы обосновать некие заранее подготовленные «ответные меры», о которых ранее уже заявлялось, то становится понятным, почему в ход идут **мегафонная дипломатия**, подмена нормального сотрудничества информационной кампанией, публичные обращения в ЕС и НАТО, упоминание Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО)» [16]. Сочетания с подобными коннотативными оттенками встречаются значительно реже, хотя и играют важную роль в дискурсе, позволяя выражать критику и оценку дипломатической практики.

Также выделяются **сочетания с прямым коннотативно-номинативным значением (1КН)**, где образность превалирует, однако термин всё же сохраняет свою номинативную функцию. Примеры таких сочетаний: *икорная дипломатия* (с коннотацией подкупа) и *дипломатия боевых волков* (с коннотацией жёсткого и даже агрессивного стиля ведения переговоров): «Практика **дипломатии «боевых волков»** часто выглядит как *overreacting* (события и китайский ответ на него несопоставимы по значимости), к тому же она часто идет в ущерб экономическим интересам» [13]. Такие номинации встречаются крайне редко, однако они важны для отражения сложных аспектов дипломатической практики.

Вторая крупная группа – сочетания с производными значениями, в которых номинативное значение становится вторичным, а на первый план выходят коннотативные и метафорические аспекты. К ним относятся **сочетания с производным коннотативным значением (2К(Н))**, представленные яркими метафорами, сохраняющими высокую образность. В эту подгруппу входят термины, связанные с визуальными аналогиями (*челночная дипломатия* – частые поездки как движение челнока и *пещерная дипломатия*, символизирующая примитивизм): «Визит в Россию спецпосланника президента США Стивена Уиткоффа является **челночной дипломатией**: он передает президенту РФ Владимиру Путину послания от американского лидера Дональда Трампа, а улетает обратно с посланиями для Трампа от Путина» [14]. Несмотря на их яркость и образность, данные сочетания занимают крайне скромное место в общем корпусе, что свидетельствует о сохранении влияния традиционной номинации в дипломатическом лексиконе.

Стоит отметить, что в исследуемом материале **не выявлено сочетаний с производным номинативным значением и факультативной коннотацией (2Н(К))**, что можно объяснить тем, что все метафорические номинации либо сохраняют актуальную образность, либо однозначно относятся к прямым значениям. Таким образом, «стёртые» метафоры, утратившие образность и функционирующие исключительно как номинации (например, *ветви власти*), в дипломатической терминологии практически отсутствуют.

Интересные результаты позволяют получить анализ сочетаний, характеризующих дипломатию в четырёх аспектах – географическом, функциональном, качественном и историческом, с использованием морфологических, синтаксических, лексических и социолингвистических приёмов верификации **синлексичности**, предложенных Т.В. Вяничевой [2, с. 8].

Т.В. Вяничева, продолжая исследовательскую традицию Г.И. Климовской, рассматривает синлексы как самостоятельные номинативные единицы,

характеризующиеся грамматической раздельноформленностью, отсутствием фонетического единства, экспрессивной нейтральностью, межстилевым характером, устойчивостью состава и порядка компонентов, воспроизводимостью в готовом виде и невозможностью произвольной трансформации [2, с. 1]. Ключевым вкладом Т.В. Вяничевой является разработка комплексной методики проверки синлексов, включающей четыре уровня анализа: морфологический, синтаксический, лексический и социолингвистический [2, с. 8]. Эта методика позволяет подтвердить статус номинации как синлекса, отграничив её от свободного словосочетания и фразеологизма.

На морфологическом уровне эти сочетания не обладают особой устойчивостью к преобразованиям. Все выделенные группы сочетаний свободно употребляются в любом падеже, что характерно для обычных атрибутивных словосочетаний в русском языке. Что касается числа, то здесь ограничение носит не синтаксический (связанный со связанностью компонентов), а лексико-грамматический характер: слово *дипломатия* является существительным *singularia tantum*, и как у рядового абстрактного имени существительного у него отсутствует возможность образования форм множественного числа. Это свойство самого слова, а не конкретных сочетаний с ним.

Хотя в русском языке для сочетаний с компонентом *дипломатия* **аббревиатуры** (по типу *ПД*, *ЦД*) не являются узуальными, сама потенциальная способность к такому сокращению выше у функциональных номинаций (*ПД* – *публичная дипломатия*), чем у качественных (*МД* – *мягкая дипломатия*), что косвенно указывает на разную степень их институционализации.

Наконец, для всех этих типов сочетаний **диминутивы** незуальны и воспринимаются как просторечие или неологизм, что, в свою очередь, подтверждает высокий уровень абстрактности и терминологичности сочетаний.

Следует отметить несколько существенных характеристик исследуемых номинаций **на синтаксическом уровне**. Синлексы легко становятся именными сказуемыми: «Визит в Россию спецпосланника президента США Стивена Уиткоффа является **челночной дипломатией**: он передает президенту РФ Владимиру Путину послания от американского лидера Дональда Трампа, а улетает обратно с посланиями для Трампа от Путина» [14].

Переходя к **проверке на возможность вставки негации между компонентами**, можно констатировать, что конструкции типа *мягкая не дипломатия* оказываются совершенно невозможными для всех аспектов. Как показывают наблюдения, *российская не дипломатия* и *цифровая не дипломатия* воспринимаются как грамматически аномальные, при этом контраст может оформляться только периферийно: *не мягкая, а жёсткая дипломатия*. Это свойство надёжно подтверждает целостность синлексов.

Особого внимания заслуживает **анализ контекстной валентности**. Так, географические номинации закономерно тяготеют к сочетаемости с политическими субъектами (*стратегия российской дипломатии, успехи китайской дипломатии*). В свою очередь, функциональные синлексы раскрываются через инструментальные характеристики (*механизмы публичной дипломатии, ресурсы цифровой дипломатии*). Что касается качественных сочетаний, то здесь наблюдается связь с оценочными маркерами (*слишком мягкая дипломатия*), тогда как исторические синлексы связаны с хронологией (*традиции советской дипломатии*). Устойчивость контекстов подчёркивает статус синлексов.

Рассматривая **особенности постановки внутреннего вопроса**, отметим, что в географическом ряду естественным является вопрос *дипломатия чья? – российская, американская*. Для функционального и качественного аспектов характерен вопрос

дипломатия какая? – *публичная, мягкая, кризисная*. В историческом же ряду вопрос приобретает временной или персональный характер: *дипломатия* какой эпохи? или чья?

При **анализе оценочно-градуирующих модификаторов** следует отметить существенные различия между аспектами: качественные сочетания могут сочетаться со степенями (*очень мягкая дипломатия, слишком напористая дипломатия*), тогда как функциональные и географические синлексы менее градуируемы – конструкция *более российская дипломатия* звучит аномально, хотя *более активная публичная дипломатия* оказывается возможной.

Важнейшим критерием синлексичности является **невозможность перестановки компонентов**. Действительно, для всех аспектов перестановка оказывается недопустимой: *дипломатия российская* или *дипломатия мягкая* невозможны как самостоятельные именованья.

Рассматривая **распространение в сложных предложениях**, можно утверждать, что сочетания устойчивы к внутренним разрывам: конструкция *мягкая дипломатия, особенно культурная* является допустимой, тогда как *мягкая особенно дипломатия* категорически невозможна.

Наконец, при **разборе по членам предложения** убедительно доказывается синлексический статус сочетаний: во всех аспектах они могут функционировать как подлежащие (*мягкая дипломатия важна*), дополнения (*страна развивает публичную дипломатию*), именные сказуемые (*её подход – цифровая дипломатия*), полностью сохраняя при этом свою цельность.

Переходя к **лексическому аспекту** верификации, следует детально рассмотреть три ключевые проверки, предложенные в методике Вяничевой. Анализ возможности **замены нейтральным монолексемным эквивалентом** показывает, что *публичная дипломатия* не сводится к слову *коммуникация*, точно так же как *мягкая дипломатия* не эквивалентна *умиротворению*, а *советская дипломатия* – *дипкорпусу*. Для большинства сочетаний односоставная замена оказывается невозможной, что служит надежным свидетельством высокой степени их лексикализации.

Проверка редукции элемента демонстрирует, что удаление атрибута закономерно возвращает нас к гиперониму *дипломатия*, полностью устраняя специфический смысл: так, в случае *икорная дипломатия* – *дипломатия* теряет свой оценочный оттенок. Что касается удаления грамматически главного компонента, то здесь происходит полное разрушение номинации: конструкция *российская без дипломатии* перестаёт восприниматься как терминологическое единство.

Анализ синонимической замены выявляет существенные различия между тематическими рядами. В качественном ряду наблюдаются антонимические пары: *мягкая – жёсткая дипломатия, тонкая – лобовая дипломатия*. В функциональном аспекте отмечается частичная синонимия: *публичная дипломатия ~ общественная дипломатия, цифровая ~ электронная дипломатия*. Однако в историческом ряду замены практически невозможны: например, *горчаковская дипломатия* не имеет полноценных лексических эквивалентов.

В рамках **социолингвистической проверки** особого внимания заслуживает анализ переводимости рассматриваемых сочетаний, который показывает устойчивые соответствия: *российская дипломатия* – *Russian diplomacy*, *китайская дипломатия* – *Chinese diplomacy*. Функциональные сочетания демонстрируют аналогичную прозрачность: *публичная дипломатия* – *public diplomacy*, *цифровая дипломатия* – *digital diplomacy*. Качественные номинации также имеют устоявшиеся эквиваленты: *мягкая дипломатия* – *soft diplomacy*, *мегафонная дипломатия* – *megaphone diplomacy*.

Исторический ряд завершает эту картину переводимости: *челночная дипломатия* – *shuttle diplomacy*, *советская дипломатия* – *Soviet diplomacy*. Устойчивость перевода на другие языки подтверждает, что эти сочетания прошли процесс международной институционализации.

В завершение анализа сочетаний с компонентом *дипломатия* проведём разграничение номинаций **по степени терминологизированности**, используя подход Т.П. Чепковой, сопоставляющей составные наименования с составными терминами. Сопоставление составных наименований и **составных терминов** показывает, что, обладая общей структурной основой – восхождением к свободному словосочетанию – и выполняя номинативную функцию, они существенно различаются сферой функционирования. Составные термины закреплены преимущественно за научным и официально-деловым стилем, составные наименования же, как правило, стилистически нейтральны и характеризуются межстилевой распространённостью, что обеспечивает их стабильное функционирование в повседневной речи представителей разных социальных групп [10, с. 166–167].

К полностью терминологизированным сочетаниям относятся единицы, обладающие чётко очерченной предметной областью. *Экономическая дипломатия* описывает комплекс мер по продвижению внешнеэкономических интересов государства и регулярно фиксируется в монографиях, стратегиях и документах внешнеполитических ведомств; сфера применения – внешнеэкономическая деятельность и защита национального бизнеса за рубежом. *Экономическая дипломатия* нередко рассматривается исследователями как комплексное направление, объединяющее множество специализированных форм в зависимости от сферы приложения, решаемых задач и используемых инструментов. Так, один из исследователей включает в её структуру авиационную, арктическую, атомную (в том числе гелиевую), военную, гуманитарную, космическую, морскую, продовольственную, сельскохозяйственную, торговую или коммерческую, транспортную, туристическую, финансовую (в том числе инвестиционную, кредитную, инвестиционно-кредитную, долговую), экологическую, энергетическую (в том числе нефтяную, газовую, нефтегазовую, энергоресурсную) дипломатию [6, с. 9].

Культурная дипломатия столь же надёжно закреплена в академическом и практическом поле: к ней привязаны официальные программы, практики культурных центров при посольствах и институтах и различные исследования. Данный вид дипломатии включает широкий спектр инструментов: от поддержки соотечественников за рубежом и продвижения русского языка через сеть славянских университетов до организации спутникового вещания российских СМИ и развития спортивных связей, которые в совокупности работают на формирование благоприятного и объективного образа государства [5]. *Культурная дипломатия* также охватывает взаимодействие в рамках ЮНЕСКО и реализацию двусторонних соглашений, направленных на организацию обменов художественными коллективами и защиту авторских прав, что подтверждает её статус комплексного внешнеполитического инструмента [5].

Военная дипломатия обладает прочной институциональной основой, включающей институт военных атташе и формализованные каналы межведомственного взаимодействия, что позволяет рассматривать данное понятие как устоявшийся термин. *Военная дипломатия* охватывает широкий спектр инструментов: военно-техническое сотрудничество, совместные учения, оказание гуманитарной помощи, участие в рабочих группах многосторонних форматов (например, СМОА+), а также взаимодействие по «полоторному» треку, включая конференции по безопасности [4, с. 120, 123].

Цифровая дипломатия является сравнительно новой, однако уже успела получить дефиниции в академическом дискурсе: она описывает использование цифровых технологий и социальных сетей в официальной внешнеполитической деятельности. Цифровая дипломатия, хотя и является сравнительно новой, уже прошла в своём развитии несколько этапов, что позволяет говорить о её концептуальной оформленности: если на первом этапе (2009–2012) преобладала «мягкая сила» и продвижение позитивного имиджа государства через диалог, а второй этап (2013–2017) ознаменовался переходом к «острой силе», использованию больших данных и пропагандистских кампаний, то с 2018–2020 гг. она вступила в третий этап, где искусственный интеллект и обработка больших данных превратили её в инструмент информационного противоборства [8, с. 38–39].

Наконец, *челночная дипломатия* восходит к процедурам посредничества в переговорах, когда медиатор последовательно контактирует со сторонами конфликта; практическая закреплённость и точность содержания делают это сочетание полноценным составным термином. Термин был введён представителями СМИ для обозначения метода Г. Киссинджера, который в ходе серии коротких перелётов в 1974–1975 гг. между столицами ближневосточных государств последовательно взаимодействовал с противоборствующими сторонами, что позволило добиться египетско-израильских соглашений и сирийско-израильского соглашения [12]. Сегодня челночная дипломатия сегодня понимается шире: это форма посредничества, при которой медиатор попеременно взаимодействует с участниками конфликта, лично передавая предложения и согласовывая позиции без одновременного присутствия сторон за одним столом переговоров.

На границе между терминами и нетерминологическими сочетаниями располагаются номинации, которые активно употребляются в СМИ, при этом процесс их терминологизации в научном поле остаётся незавершённым.

Зелёная дипломатия формируется на стыке экологической политики и повестки устойчивого развития; в научных работах она получает достаточно чёткие очертания как внешнеполитический трек климатических и природоохранных обязательств. Как отмечается в исследовательской литературе, зелёную дипломатию можно охарактеризовать как деятельность государств по осуществлению своих внешних связей, связанных с проблематикой экологии, устойчивого развития и природоохранной деятельностью. Она заключается в подписании двусторонних и многосторонних экологических соглашений, организации и проведении экологических мероприятий международного уровня, участии в международных экологических проектах и программах. Однако зелёная дипломатия выступает не только инструментом взаимодействия с зарубежными странами и международными организациями, но и средством формирования привлекательного внешнего имиджа государства, а в ряде случаев – его конкурентным преимуществом [1, с. 190]. В журналистике данный термин нередко выступает как модный ярлык и не гарантирует терминологической строгости. В этой связи важно подчеркнуть, что само понятие *экологическая* (или *зелёная*) *дипломатия* ещё не имеет глубокого научно-теоретического обоснования и находится в стадии дискуссий и научных обсуждений [1, с. 190].

Твиттер-дипломатия и *e-дипломатия* достаточно закреплены в англоязычном пространстве, тогда как в русскоязычном поле эти номинации чаще функционируют в публицистике; терминологизация идёт, но остаётся незавершённой. Так, под твитпломатией (*twiplomacy*) понимается использование Twitter (X) главами государств, руководителями международных межправительственных организаций и дипломатами для сближения позиций по международным вопросам [7, с. 156]. Т.В. Зоннова предлагает

альтернативную номинацию *твитломаси* [3]. «Президенты, премьеры, министры, главы внешнеполитических ведомств, послы выходят в социальные сети и становятся, – как отмечает исследовательница, – „твитломатами“» [3].

Заключение. Таким образом, большинство сочетаний с компонентом *дипломатия* обладают комплексом признаков, позволяющих квалифицировать их как составные наименования. Анализ позволил выявить градацию от строго (*экономическая дипломатия*) и частично терминологических (*твиттер-дипломатия*) единиц к экспрессивным номинациям (*ковбойская дипломатия*). Применение подхода Т.П. Чепковой помогло обнаружить доминирование прямых номинативных значений над небольшим пластом производных коннотативных. Важнейшим результатом работы стало отграничение исследуемых единиц от смежных языковых явлений: сохраняя мотивированность значения, они не переходят в разряд фразеологизмов, а в отличие от свободных сочетаний, подобные номинации обладают структурной устойчивостью и воспроизводимостью, образуя самостоятельный пласт номинативных единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боголюбова Н.М. Феномен «зеленой дипломатии»: международный опыт / Н.М. Боголюбова, Ю.В. Николаева // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. – 2014. – № 36. – С. 189–198.
2. Вяничева Т.В. Субстантив-субстантивная синлексика современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2000. – 344 с.
3. Зонова Т.В. Публичная дипломатия и её акторы // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publicnaya-diplomatiya-i-ee-aktory> (дата обращения: 01.03.2026).
4. Колдунова Е.В. Военная дипломатия Японии, Китая и России в Юго-Восточной Азии: стратегии и тактика реализации / Е.В. Колдунова // Японские исследования. – 2024. – № 1. – С. 111–125. – DOI 10.55105/2500-2872-2024-1-111-125.
5. Лебедева О.В. Культурная дипломатия как инструмент внешней политики России на современном этапе / О.В. Лебедева // Международная жизнь [Электронный ресурс]. – 2016. – № 9. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1734> (дата обращения: 01.03.2026).
6. Савойский А.Г. Экономическая дипломатия как средство внешней политики (на примере экономической дипломатии России в отношении Соединённых Штатов Америки: 1992–2008 гг.): специальность 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Савойский Александр Геннадьевич. – Москва, 2009. – 19 с.
7. Торреальба А.А. Твиттломатия: влияние социальной сети Твиттер на дипломатию / А.А. Торреальба // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 152–166.
8. Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения / Н.А. Цветкова // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2020. – № 2. – С. 37–47. – DOI 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47.
9. Чепкова Т.П. К вопросу о типологии составных наименований современного русского языка / Т.П. Чепкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2007. – № 1. – С. 83–90.
10. Чепкова Т.П. Лингвистический статус составных наименований русского языка / Т.П. Чепкова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 20. – С. 162–168.
11. Чепкова Т.П. О соотношении номинации и коннотации в составных наименованиях современного русского языка / Т.П. Чепкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 2(26). – С. 67–72.
12. Shuttle Diplomacy and the Arab-Israeli Dispute, 1974–1975 // Office of the Historian [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://history.state.gov/milestones/1969-1976/shuttle-diplomacy> (date of access: 01.03.2026).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

13. Китайская экономическая дипломатия в условиях многополярного расстройтва // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. – 2021. – 12 мая. – Режим доступа:

- <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskaya-ekonomicheskaya-diplomatiya-v-usloviyakh-mnogopolyarnogo-rasstroystva> (дата обращения: 01.08.2025).
14. Песков назвал визит Уиткоффа челночной дипломатией // ТАСС [Электронный ресурс]. – 2025. – 25 апр. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/23787227> (дата обращения: 01.08.2025).
15. Сирия: С кем договариваться // Ведомости [Электронный ресурс]. – 2015. – 16 нояб. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/11/17/617102-siriya-dogovarivatsya> (дата обращения: 01.03.2026).
16. Яд крошечный // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. – 2020. – 2 сент. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4476138> (дата обращения: 01.03.2026).

REFERENCES

1. Bogoliubova N.M., & Nikolaeva Yu.V. (2014). Fenomen “zelenoi diplomatii”: mezhdunarodnyi opyt [The phenomenon of “green diplomacy”: international experience]. Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo gidrometeorologicheskogo universiteta, 36, 189–198. (In Russian)
2. Vyaticheva T.V. (2000). Substantiv-substantivnaia sinleksika sovremennogo russkogo iazyka [Substantive-substantive sinlexis of the modern Russian language] (Candidate’s dissertation). Tomsk. (In Russian)
3. Zonova T.V. (2012). Publichnaia diplomatiia i ee aktory [Public diplomacy and its actors]. The Russian International Affairs Council. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publicchnaya-diplomatiya-i-ee-aktory> (In Russian)
4. Koldunova E.V. (2024). Voennaia diplomatiia Iaponii, Kitaia i Rossii v Iugo-Vostochnoi Azii: strategii i taktika realizatsii [Military diplomacy of Japan, China and Russia in Southeast Asia: Strategies and tactics of implementation]. Iaponskie issledovaniia, 1, 111–125. <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2024-1-111-125> (In Russian)
5. Lebedeva O.V. (2016). Kulturnaia diplomatiia kak instrument vneshnei politiki Rossii na sovremennom etape [Cultural diplomacy as a tool of Russia’s foreign policy at the present stage]. Mezhdunarodnaia zhizn, 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1734> (In Russian)
6. Savoiskii A.G. (2009). Ekonomicheskaiia diplomatiia kak sredstvo vneshnei politiki (na primere ekonomicheskoi diplomatii Rossii v otnoshenii Soedinennykh Shtatov Ameriki: 1992–2008 gg.) [Economic diplomacy as a means of foreign policy (on the example of Russia’s economic diplomacy towards the United States of America: 1992–2008)] (Author’s abstract of candidate’s dissertation). Moscow. (In Russian)
7. Torrealba A.A. (2015). Tvitplomatiia: vliianie sotsialnoi seti Twitter na diplomatiuu [Twiplomacy: The influence of the social network Twitter on diplomacy]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Mezhdunarodnye otnosheniia, 15(3), 152–166. (In Russian)
8. Tsvetkova N.A. (2020). Fenomen tsifrovoi diplomatii v mezhdunarodnykh otnosheniakh i metodologiiia ego izucheniia [The phenomenon of digital diplomacy in international relations and the methodology of its study]. Vestnik RGGU. Serii: Politologiiia. Istoriiia. Mezhdunarodnye otnosheniia, 2, 37–47. <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-2-37-47> (In Russian)
9. Chepkova T.P. (2007a). K voprosu o tipologii sostavnykh naimenovaniy sovremennogo russkogo iazyka [To the question of the typology of compound names in the modern Russian language]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Serii: Lingvistika, 1, 83–90. (In Russian)
10. Chepkova T.P. (2007b). Lingvisticheskii status sostavnykh naimenovaniy russkogo iazyka [Linguistic status of compound names in the Russian language]. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 20, 162–168. (In Russian)
11. Chepkova T.P. (2008). O sootnoshenii nominatsii i konnotatsii v sostavnykh naimenovaniakh sovremennogo russkogo iazyka [On the correlation of nomination and connotation in compound names of the modern Russian language]. Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2(26), 67–72. (In Russian)
12. Shuttle Diplomacy and the Arab-Israeli Dispute, 1974–1975. (n.d.). Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/milestones/1969-1976/shuttle-diplomacy>

Поступила в редакцию 16.03.2026 г.

LINGUISTIC STATUS OF COMPOUND NOMINATIONS WITH THE COMPONENT
«DIPLOMACY»

A.N. Khasanshin

In line with the growing body of research on political discourse, the analysis of compound nominations with the component «diplomacy» is currently becoming highly relevant, as they structure and conceptualize this sphere of activity. This study aims to determine the linguistic status of these units and describe them as a system with a core of established terms and a periphery of occasional compounds. The methodological framework for this study integrates T.P. Chepkova's theoretical approach and T.V. Vyancheva's practical techniques, enabling to determine the level of terminologization of such nominations in terms of geographical, functional, qualitative, and historical aspects. The results obtained will provide a foundation for further study of the linguistic features of contemporary diplomatic discourse and for cross-linguistic and cross-cultural comparison of political and diplomatic terminology.

Keywords: diplomatic discourse, political discourse, compound terms, compound nominations, free word combinations, linguistic status, metaphors.

Хасаншин Азат Нафисович.

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова, Российская Федерация,
г. Москва.

Магистрант кафедры русского языка
филологического факультета.
ORCID 0009-0003-3979-1102.
E-mail: ihasazat@gmail.com.

Khasanshin Azat Nafisovich.

Lomonosov Moscow State University,
Russian Federation, Moscow.

Master student at Department of Russian Language,
Faculty of Philology.
ORCID 0009-0003-3979-1102.
E-mail: ihasazat@gmail.com.